Альбус Дамблдор, прославленный британский "Лидер Света", стоял, приковавшись к земле. Его взгляд остановился на ужасающем пятне крови, а в нос ударил металлический запах, хотя он уловил его лишь наполовину, поскольку его мысли были заняты всевозможными вариантами "что если" и "может быть".

Все его тщательно продуманные планы и замыслы оказались напрасными. Он был ответственен за эту... эту трагедию. Он нес такую же полную ответственность, как если бы сам совершил это преступление.

Но разве не он? Разве не он привел все к краху, следуя своей личной мантре "ради высшего блага"?

Высшее благо - бах!

Где это видано, чтобы "высшее благо" покупалось кровью и болью несчастного сироты?

Он думал закалить мальчика, подготовить его к предстоящим все более тяжелым испытаниям. По общему мнению, ему это удалось, но он так гордился собой и всеми своими продуманными планами, что не учел самого важного элемента своего плана - самого ребенка.

Гарри был личностью, а не инструментом. У него были свои чувства, надежды и мечты. Детское желание быть принятым переросло в подростковое стремление дарить и получать любовь.

По всем признакам он, по крайней мере, стал "Чемпионом Света", которым его направляли.

Направленным? Хм... это слишком хороший термин для манипуляции.

Великий гений, каким считал себя даже он сам... по сути, он был просто дураком.

Зачем бороться, если больше не за что бороться?

За что бороться, если больше не за кого и не за что?

Он безучастно наблюдал за тем, как Амбридж лишила Гарри всех привилегий, кроме права дышать. Его ежедневно преследовали и пытали, на каждом шагу очерняли в "Пророке" и среди студентов. Снейпу дали свободу действий, чтобы издеваться и принижать его с того самого дня, как слишком худой и неразвитый Гарри Поттер ступил на порог Хогвартса. Эта школа должна была стать для него оплотом надежды, не говоря уже о том, что она должна была стать безопасным убежищем для него, как и для других студентов.

Дамблдор даже дошел до того, что заставил весь персонал занять жесткую, несимпатичную

позицию, а то и вовсе игнорировать любые опасения, связанные с Поттером, независимо от того, насколько законными эти опасения могут быть.

Мерлин... как же он себя ненавидел. Не только за то, что он сделал, но и за то, что не смог сделать.

Сириус Блэк был мертв. Он должен был с самого начала очистить его имя, зная, что Сириус невиновен во всех злодеяниях.

Он мог бы оставить мальчику столько... отцовскую фигуру... кого-то, о ком он мог бы заботиться и о ком мог бы заботиться.

Но нет... когда Сириус ушел с дороги, было гораздо проще закалить мальчика бесконечными испытаниями и раздорами.

И он закалил его. Он закалил его до такой степени, что его удар о землю сломал и его самого.

Альбус Дамблдор стоял, глядя на залитую кровью лужайку под Астрономической башней замка - последнее пристанище "Избранного чемпиона Света".

Вот к чему привели все его тщательные интриги: чудесное дитя, доведенное отчаянием до самоубийства.

Так он отплатил Поттеру за его жертву.

Таков был итог его непристойных иллюзий, когда он утешал себя тем, что заточение Сириуса послужило высшей цели, "высшему благу".

Такова была чистая выгода от того, что Снейп позволил, даже поощрил преследование доброго и мужественного ребенка, который жаждал лишь признания со стороны сверстников и некоторой анонимности со стороны незнакомцев.

Какой бы ужасной ни была эта трагедия, она могла бы быть не такой ужасной, если бы у него хватило мужества, равного мужеству самого мальчика; тело Гарри лежало, корчась, на разгромленном полу Министерства; голос Волдеморта требовал, чтобы его убили, но, как бы ни был он искушён, он не мог рискнуть, так как Волдеморт, несомненно, уйдёт прежде, чем убийственное проклятие сделает своё страшное дело.

Но... был тот мимолётный миг, когда Гарри одержал верх... когда его глаза вновь стали умоляюще зелёными, и он собственным голосом взмолился...

"Сделай это сейчас... Я не могу долго держать его... сделай это н-нужно...!"

Такая доблесть... подпитываемая огромной, непоколебимой любовью к своим товарищам. Будь у него хотя бы подобие мужества самого мальчика, он мог бы покончить с ним.

Правда, мальчик был бы потерян, но и Волдеморт встретил бы верную смерть.

Древние колени, не привыкшие сгибаться даже в юности, упали на испачканный кровью газон. Горькие слезы текли не по себе, а по тому, что было потеряно.

Не о потере "дитя пророчества", не о "чемпионе" и даже не о "мальчике, который жил", а о мальчике. Милого, заботливого, мужественного мальчика, который так мало знал о любви, но в нем было больше любви, чем многие когда-либо узнают.

Двумя днями ранее...

"Пожалуйста, поймите, мистер Поттер... Их семьи сейчас очень расстроены, и эмоции зашкаливают. Просто, пожалуйста, дайте им немного времени на адаптацию. Надеюсь, все уладится, и завтра вы сможете навестить своих друзей". Мадам Помфри умоляла его, вселяя надежду, которая так и не смогла дойти до ее глаз своей искренностью.

Теперь, когда Сириуса не было, все, что ему оставалось, - это друзья, которые в данный момент находились в лазарете. К счастью, большинство из них получили незначительные ранения, но Рон и Гермиона были тяжело ранены, и это была его вина. Рон знал об этом, и, видимо, их семьи тоже, поскольку мадам Помфри пыталась быть вежливой, но смысл был ясен: "Уходите".

Трепетно кивнув в знак согласия, он скрылся за дверью лазарета, куда его фактически не пускала медсестра.

Все, что ему оставалось, - это... ничего.

Еще один момент в жизни, наполненной ими, когда самые благие намерения в конечном итоге заканчивались крахом.

http://tl.rulate.ru/book/104997/3690080